

УДК 343.52(47+57)(092)
 ББК 67.408.1+67.51+67.52
 DOI 10.20913/1815-3186-2017-4-3-7

АЛЕКСАНДР ЖИЖИЛЕНКО И ПРОБЛЕМА ФАЛЬСИФИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ

© В. В. Бездрабко, 2017

Украинский научно-исследовательский институт архивного дела и документоведения,
 Киевский национальный университет культуры и искусств,
 Киев, Украина, e-mail: valentbez@gmail.com

Проводится деконструкция концепта фальсификации документов как актов письменного доказательства, свидетельства. Анализируются взгляды А. А. Жижиленко в контексте влияния немецкой историко-правовой научной школы и юридической науки в целом. Доказывается важность достижений правовой науки для документоведения.

Ключевые слова: документ, фальсификация документов, фальшивый документ, подлог, оригинал документа, А. А. Жижиленко

Для цитирования: Бездрабко В. В. Александр Жижиленко и проблема фальсификации документов // Библиосфера. 2017. № 4. С. 3–7. DOI: 10.20913/1815-3186-2017-4-3-7.

Aleksandr Zhizhilenko and the documents falsification problem

V. V. Bezdrabko

The Ukrainian Research Institute of Archival Affairs and Record Keeping, Kiev National University of Culture and Arts, Kiev, Ukraine; e-mail: valentbez@gmail.com

The author deals with the concept deconstruction of falsifying documents as acts of written proof, evidence. The paper analyzes A. A. Zhizhilenko's views in the context of influencing the German historical-law school and legal science generally. It attempts to prove the importance of the achievements of legal science for document management.

Keywords: document, document falsification, fake document, forgery, document original, A. A. Zhizhilenko

Citation: Bezdrabko V. V. Aleksandr Zhizhilenko and the documents falsification problem // *Bibliosphere*. 2017. № 4. P. 3–7. DOI: 10.20913/1815-3186-2017-4-3-7.

Девятнадцатый век стал временем формирования комплексного изучения источников информации и становления источниковедения как специальной исторической науки. Была актуализирована проблематика исторического исследования: вопросы классификации источников (документов), их жанрово-видовой специфики, научной критики стали для многих исследователей очень важны, поскольку решения большинства из них продиктованы эволюцией науки.

Инициированная в первой половине XIX в. классиком источниковедения Л. фон Ранке дискуссия о степени доверия к различным видам исторических документов хоть и была не новой, но сказалась на развитии многих отраслей исторического научного знания, которые ориентировались на документ (или его составляющие) как центральное звено объективной сферы, а установление его подлинности, оригинальности провозглашалось одним из основных исследовательских направлений. Наибольшее доверие, по мнению Л. фон Ранке, вызывают официальные документы (или приравненные к ним). Полемика привлекла внимание к проблеме фальсификации документов, поскольку «официальное» происхождение не гарантировало защиту от подлога, преследований заинтересованных лиц, желающих изменить форму, со-

держание, подачу информации. Фальсификации, подделки документов стали значимой темой не только для историков, источниковедов, но и для юристов.

Позже общие рассуждения специалистов об информационном преимуществе письменных источников различных типов и видов сопровождалась замечаниями относительно объективности фиксации и интерпретации данных. Полемика вокруг достоверности документальных материалов, которая разгорелась во второй половине XIX в., привела к отказу от провозглашенного ранее принципа безоговорочного доверия к «документальным памятникам», «выходцам из канцелярий». Вместо этого пришло осознание относительной подлинности не только нарративных источников, но и официальных документов [6, с. 5]. Это способствовало пересмотру теоретических основ критики, общих методических принципов их беспристрастного анализа и, что не менее важно, установлению смысловой прозрачности терминов «оригинальность», «подлинность» и «достоверность» документа. Тонкие различия между этими понятиями, по мнению С. М. Каштанова, заключаются в происхождении документа и времени (последовательности) его появления [3, с. 24–41].

Поиск ответов на вопросы, поставленные западноевропейской дипломатикой XIX–XX вв., привел

к появлению интересных идей, связанных с описанием сущностного восприятия близких и различных по содержанию терминов: *authenticite diplomatique* (дипломатическая аутентичность), *sincerite* (оригинальность), *copie informe* (неформальная копия), *copie libre* (свободная копия), *veracite* (достоверность), *authenticite historique* (историческая аутентичность), *un acte faux, un faux* (документ, не имеющий признаков дипломатической аутентичности), *acte falsifie* (фальшивый акт), *forgerie* (подлог), *acte recrit ou acte refait* (переделанный, заново написанный акт), *acte subreptice* (акт, полученный в результате неправильного представления дела), *un faux de chancellerie* (канцелярская подделка), *un faux d'erudition* («учёная» подделка, вымышленный документ, приобщённый к научному труду), *acte douteux* (акт подозрительный), *acte suspect* (акт сомнительный), *original du faux* (оригинал фальшивого документа), *lettres supposes* (мнимая грамота) и т. д.

Появление каждого упомянутого выше термина имеет собственную историю, а время и последовательность их вхождения в научный оборот демонстрируют эволюцию вопросов защиты информации и экспертизы документов. Терминологическое многообразие обеспечивают активные исследования дипломатии, основанные на значимой практике, прежде всего историко-правовой. Благодаря придирчивому вниманию к определению (аутентичный, поддельный, достоверный, фальшивый) обозначаемого (оригинал, копия), научные исследования порождают перспективные разветвления в изучении документа как акта доказательства, исторического, историографического факта и т. д. Это позволило конституировать научные основы экспертизы подлинности внешней и внутренней форм документа, что нашло отражение во многих значимых исследованиях того времени [6].

До начала XX в. главным подходом в терминологических трактовках документа и его восприятию оставался правовой. Поэтому вполне закономерным выглядит появление в юридической науке исследований, посвященных истории, теории документа как письменного свидетельства, доказательства. Последнее обстоятельство предусматривало внимательное отношение к вопросу фальсификации документов, который издавна оставался одним из основных исследовательских направлений, сформировавшихся сначала на эмпирическом, эмпирически-теоретическом уровнях, а впоследствии и на теоретическом.

Самыми заметными были успехи ученых немецкой школы. Сначала Л. фон Ранке вместе с последователями выдвинул тезис о превосходстве правовых актов над повествовательными источниками, заставив коллег критически осмыслить имеющийся опыт источниковедческой практики, а затем Ф. К. фон Савиньи, К. Ф. Эйхгорн, Б. Г. Нибуэр провозгласили актуальным и правильным такой подход к документу, при котором выясняются его история, «происхождение, те заимствования, что в нем есть, пути <...> этих заимствований» [4, с. 319]. Их интерпретации текстов, правовых формул, несмотря на отдельные методологические недостатки, стали достойным примером критики источников, в том числе при установлении

оригинальности. С немецкой школой так или иначе были связаны самые яркие отечественные достижения в области историко-правовой науки исследуемого периода.

Достоинством внимания является творчество известного ученого, одного из основоположников уголовного права в России – Александра Александровича Жижиленко (1873 г. – не ранее 1930 г.). Профессионал, одаренный блестящим литературным и полемическим талантом, он заслуживает сравнения с такими известными представителями российской юридической науки, как А. Ф. Кони или М. А. Корф.

Воспитанник петербургской и берлинской юридических школ, профессор Санкт-Петербургского университета и других учебных заведений, автор фундаментальных исследований в области уголовного права, судопроизводства [2], выдающийся организатор правовой науки, отраслевых музеев, международных и отечественных специализированных обществ, кружков, журналов, администратор пенитенциарных учреждений, а также служащий Управления Центрального архива при ВЦИК РСФСР, научный сотрудник Российской публичной библиотеки в Ленинграде – вот далеко не полный перечень занятий и должностей этого незаурядного деятеля [2, с. 6, 44]. Его имя неразрывно связано с историей Харьковского университета. Именно здесь в 1915 г. А. А. Жижиленко получил степень доктора наук. Представленное к защите исследование на тему «Наказание. Его понятие и отличие от других правоохранительных средств» удостоилось академической Ахматовской премии.

А. А. Жижиленко громко заявил о себе как исследователь системы доказательств в судебной практике. Неотъемлемой составляющей его штудий являлся историко-сравнительный анализ особенностей различных форм доказательств. Такой подход позволил ученому раскрыть преимущества документа по сравнению с другими доказательствами; показать, что письменное свидетельство (а не устное, как, например, показания очевидцев) является объективным гарантом достоверности юридических отношений. А. А. Жижиленко принадлежит фундаментальное исследование феномена фальсификации документов в общественно-институциональном (внешнем) и концептуальном (внутреннем) измерениях. Речь идет о монографии «Подлог документов: Историко-догматическое исследование» (1900 г.), отразившей имеющийся на тот момент юридический, исторический опыт изучения проблемы. Следуя распространенной в XIX в. дифференциации документов на публичные и частные, автор сконцентрировал внимание на правовом «ответе» на фальсификации этих видов актов.

Фундаментальное положение занимает вывод о природе документа и его фальсификации как о посягательстве на письменную форму удостоверения жизненных моментов юридических отношений и событий, имеющих правовое значение [1, с. 212–213]. Главной причиной появления документов исследователь считал общественное развитие, на определенном уровне которого осознается необходимость особых способов такого удостоверения в интересах

всего правопорядка, и охрана этих удостоверяющих средств представляется весьма существенной, поскольку предопределяет твердость и прочность всего правопорядка [1, с. 213]. Мотивируя появление документов развитием правоотношений, ученый сделал вывод о зависимости между совершенством законодательства, механизмом его реализации и степенью распространения поддельных документов.

По мнению А. А. Жижиленко, необходимым условием всесторонней разработки исследуемого вопроса является ретроспективное «погружение в тему», раскрывающее генезис документа как особого объекта правовой практики. Ученый всегда с особым почитанием относился к истории права, в частности римского, нормативно-правовым актам, рассматривающим различные аспекты обстоятельств обращения к письменным документам как доказательствам. Не выходя за пределы римского права, автор утверждал, что первым примером внимания к фальсификации документов на уровне правового акта является «Lex Cornelia de falsis» («Закон Корнелия [Суллы] о подделке», 80 г. до н. э.) [1, с. 25]. Дискутируя с немецкими коллегами – Т. Моммзеном, К. Кохом и другими, А. А. Жижиленко утверждал, что сначала подделка документов рассматривалась как составляющая общего уголовного нарушения – *crimen falsi* (уголовный подлог) и касалась только духовных заветаний. Позже жанрово-видовой круг документов, фигурировавших как наиболее популярные среди фальсификаторов, расширился. А. А. Жижиленко дал этому рациональное объяснение, основанное на заключении об усложнении общественных правовых отношений и о совершенно естественном процессе видового разнообразия правовых актов. Профессор указывал на то, что среди фальсификаторов часто встречались настоящие знатоки палеографии, дипломатики, сфрагистики, для которых документ (или его составляющие) не представлял научной значимости как объект исследования, а интересовал как гарант, знак достоверности того или иного факта, события [1, с. 46]. Впрочем, противостояние фальсификаторов и поборников подлинности документов плодотворно повлияло на формирование основ научной критики.

Историческое исследование подлога документов А. А. Жижиленко осуществил также благодаря конструкции «теоретически правильного» канонического права. Прогрессивным является его заключение о существенном отличии канонического права от римского, заключающегося в рассмотрении фальсификации актов отдельным правонарушением, что характеризуется моментом искажения подлинности документов как знаков удостоверения событий, имеющих правовое значение [1, с. 84]. Поиски исторического опыта преследования и определения меры наказания за поддельные документы, их признаки и правила критики подтолкнули исследователя к детальному изучению примеров преследования фальсификации документов немецким (Баварское уложение 1751 и 1813 гг., Прусский ландрехт 1794 г. и др.), французским (ордонанс 1532 г., эдикт 1680 г., кодексы законов 1791, 1810 гг.), английским (законы

Генриха I, Консолидированный устав 1861 г.) законодательствами эпохи нового и новейшего времени.

Всякий раз представление идей происходило на фоне детального анализа общих условий функционирования государства, особенностей жизни общества. Свободно оперируя широкой тематической источниковой базой, исследователь не просто изучил эволюцию законодательства и правовых норм, перетекание заимствований между ними, но и раскрыл результаты таких взаимодействий. Указав на подражание французского права немецкому, А. А. Жижиленко назвал его специфические отличия. Например, прогрессивность последнего по сравнению с законодательствами других европейских государств сказалась в более взвешенном сущностном представлении содержания понятия «подделка документов» и квалификации противоправности действий даже на момент заключения подложного акта, а не только его использования. Солидности проведенному исследованию придало стремление представить достижения европейского законодательства 1880–1890-х гг., учитывая продолжительность правовых традиций и новшеств, усиленных теорией права и общественной практикой.

Основное место в монографии занимает рассмотрение древнерусского и российского права. Следуя проверенному приему – историко-хронологическому, ученый должным образом оценил роль Литовских статуты (1529, 1566, 1588 гг.) в продвижении на восток западноевропейских принципов и подходов к фальсификации документов (например, Соборное уложение Алексея Михайловича, 1649 г.), подробно проанализировал постановку вопроса об их подлоге во времена Ивана IV (Судебник, 1550 г.), Петра I (Воинский артикул 1716 г., Морской устав 1720 г.), Елизаветы Петровны (проекты специальных комиссий 1754–1766 гг.), Александра I (проекты уголовных кодексов проф. Харьковского университета Л. Г. Якоба 1810 г., уложения 1813 г.) Николая I (Свод законов Российской империи 1832 г.) и другие, что обеспечило аргументированность авторских выводов. Следуя формальной логике при освещении эволюции законодательства Российской империи, А. А. Жижиленко считал необходимым акцентировать внимание на изменении понимания понятия «подлог документов», разнообразии видов фальсификации и поддельных письменных свидетельств, росте количества участников правонарушений (социально-политический, экономический, психологический аспекты), усложнении процедуры выявления подделки оригинальных актов (экспертиза документов), квалификации противоправных действий, укреплении значения документа в обществе (правовой аспект). Бессспорно, такой подход обеспечил обстоятельность изучения темы, продемонстрировав ее содержание в контексте достижений классической гуманитарной и, в частности, юридической науки XIX в.

Исследование широчайшей источниковой базы позволило установить момент появления в отечественном законодательстве «учения о подлоге документов». Литовский статут 1588 г. содержит проственные комментарии по видам «документарного

искажения показаний», а именно: 1) подлог королевских документов и печатей, в том числе подделка грамот, привилегий, совершенные путем фальсификации подписи короля и высших чиновников государства; 2) вырезание и незаконное хранение у себя подлинных королевских печатей и печатей государственных учреждений и их использование; 3) недостоверные изменения оригинальных документов, не имеющие общегосударственного значения, подлог судебных печатей и снятие печатей с одних бумаг и приложение к другим; 4) использование заведомо фальшивых документов, доставшихся в наследство [1, с. 231–232].

Отдельные историки права считают, что изучение Литовского статута 1588 г. и Соборного уложения 1649 г. позволило А. А. Жижиленко выиграть дискуссию второй половины XIX в., поддерживаемую М. Ф. Владимирским-Будановым, по поводу появления в отечественном законодательстве фундаментальных выкладок относительно видов фальсификации документов. Впрочем, признание справедливости сделанного А. А. Жижиленко вывода зависит от смысловых границ понятия «отечественное законодательство».

Заметное место в размышлениях А. А. Жижиленко отводилось учению о подлоге документов и анализу состава этого преступления в контексте уголовного права [1, с. 343–368]. Очевидное уважительное отношение к тематическим доктринам Л. А. фон Фейербаха, К. В. Г. фон Грольмана, К. Й. А. Миттермайера, Т. Марецолла, посвященным осмыслению природы обмана и адекватному реагированию права на его виды, в зависимости от степени тяжести, выяснению субъективного и объективного, внешнего и внутреннего в их происхождении, обстоятельств признания актов подложными [1, с. 415–524].

Сквозная, потенциально присутствующая мысль о документальной форме фиксации информации как социальном явлении в конце концов поднимается на «поверхность» и «выливается» в веские комментарии относительно документа как объекта преступления. Терминологические поиски приемлемого объяснения содержания документа заставили обратиться к «Словарю русского языка, составленному Вторым отделением Академии наук» (СПб., 1895 г.), на основе которого утверждалось значение документа как письменного акта. В отличие от немецкого права, где для определения документа существовало два термина – *Urkunde* (в понимании любого материального объекта, что может быть свидетельством) и *Schrift* (в смысле письменного акта), что создавало не только терминологическую путаницу, но и правовые коллизии, российское законодательство оперировало определением документа только как письменного свидетельства.

Существовали замечания о способе фиксации информации. Под «письменным» понимали документ, созданный ручным и механическим способами, состоящий из «писмен, то есть букв, образующих слова и предложения... Материал, на котором документ написан для общего его понимания, не имеет значения, так же, как и стоимость его сама по себе, кроме известных видов документов (кредитные бумаги),

учитывая особые свойства, которые отличают [их] из числа других документов, что служат предметом фальсификации» [1, с. 541]. Таким образом, А. А. Жижиленко делает акцент на том, что ценность документа состоит в документной информации, которая свидетельствует, подтверждает и доказывает. В этом, по мнению исследователя, заключаются сущность и основное свойство документа [1, с. 542].

Эмпирически балансируя между различными принятыми в юриспруденции определениями документа как объекта, «способного <...> служить доказательством известных событий, а не существовать для этого» (Р. Гарро); материального, неодушевленного предмета, которому «свойственно доказательство в пользу известных обстоятельств» (С. Меркель); что «имеет значение акта в качестве доказательства» (К. Биндинг); «принадлежит чувственному миру и изготовлен с целью доказать правовое значение обстоятельств путем умозаключений, а не благодаря своему существованию» (Ф. Лист); а также «опредмеченная для длительного распознавания мысль» (Т. Моммзен); «заявление, сделанное в письменной форме» (К. Бродманн); «предмет, который по собственной воле получает назначение служить доказательством известного факта» (Г. Мейер) и др., учитывая отражение практических интенций в содержании понятия, А. А. Жижиленко «вывел» и попытался доказать справедливость толкования документа как письменного акта, «составленного по форме и предназначенного заверять известные правовые отношения и события правового значения» [1, с. 543–563].

Отмечая видовое разнообразие документации в юридическом обороте в конце XIX – начале XX в., А. А. Жижиленко предложил оригинальную схему классификации документов на основе материальной и информационной составляющих. Критериями дифференциации были избраны форма, происхождение, функциональное назначение, содержание, способы изложения информации и удостоверения, значения.

Интерес представляют объяснения каждого вида документа, содержащие не только перечни классов документов, но и замечания относительно статуса любой записи информации как акта удостоверения, подтверждение определенного факта или обстоятельств действия. В качестве иллюстрации ученый сравнил метрическое свидетельство и частное письмо, содержащее признание лица о собственном долге. В первом случае документ специально создавался с целью засвидетельствования факта, а в другом – имел иное назначение. Если метрическое свидетельство является документом вне всяких обстоятельств, то письмо играет роль документа «исключительно процессуального» [1, с. 543].

Неоднократно А. А. Жижиленко поднимал вопрос о достоверности новейших видов документов, а именно: фотографий и телеграмм. Как активный участник Юридического общества при Петербургском университете (1877), он выступил автором нескольких докладов для слушателей, посвященных вопросу использования новейших носителей информации для судебной практики в системе доказательств [8]. Круг интересов А. А. Жижиленко охватывал и тему юри-

дической силы оригинала документа и его копии, других важных для юридической практики аспектов рассмотрения актов.

Исследования известного юриста на долгие годы стали определяющими в изучении фальсификации документов, обозначили различия в методологических подходах европейских академических кругов, университетских профессорско-преподавательских корпораций, практиков. Инициированный А. А. Жижиленко диалог способствовал не только утверждению

системы взглядов на документ как акт письменного свидетельства или доказательства в юридической практике, но и накоплению специальных знаний в целом, и в частности в источниковедении и других исторических дисциплинах. Идеи известного представителя юридической мысли России положили начало интересным направлениям, которые развивались и дополнялись на протяжении XX в. Обращение к идеям А. А. Жижиленко и ныне остается актуальным.

Список источников

1. Жижиленко А. А. Подлог документов: историко-догматическое исследование. Санкт-Петербург : Невская тип., 1900. 746 с.
2. Иванов П. О., Ильина Л. К. Пути и судьбы отечественной криминологии. Москва, 1991. 356 с.
3. Каштанов С. М. О подлинности и достоверности актовых источников // О подлинности и достоверности исторического источника. Казань, 1991. С. 24–41.
4. Косминский Е. А. Историография средних веков. V в. – XIX в. : лекции. Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1963. 324 с.
5. Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. Москва : Территория будущего, 2006. 620 с.
6. Усманов М. А. Некоторые вопросы источниковедческой критики документальных памятников // О подлинности и достоверности исторического источника. Казань, 1991. С. 5–23.
7. Юбилей А. А. Жижиленко // Право и жизнь. 1925. № 4/5. С. 43–45.
8. Юридическое общество при Императорском Санкт-Петербургском университете за двадцать пять лет (1877–1902). Санкт-Петербург : Сенатская тип., 1902. 164 с.
9. Vocabulaire international de la diplomatie // Folia Caesaraugustana. Zaragoza, 1984. Vol. 1. P. 121, art. 57 ; P. 126, art. 99, 100 ; P. 126–127, art. 105, 106, 114.

References

1. Zhyzhylenko A. A. *Podlog dokumentov: istoriko-dogmaticheskoe issledovanye* [Forgery of documents: historical-dogmatic study]. Saint Petersburg, Nevskaya tip., 1900. 746 p. (In Russ.).
2. Ivanov P. O., Il'ina L. K. *Puti i sud'by otechestvennoi kriminologii* [Ways and destinies of domestic criminology]. Moscow, 1991. 356 p. (In Russ.).
3. Kashtanov S. M. On authenticity and reliability of sources. *O podlinnosti i dostovernosti istoricheskogo istochnika*. Kazan', 1991, 24–41. (In Russ.).
4. Kosminskii E. A. *Istoriografiya srednikh vekov. V v. – XIX v. : lektzii* [Historiography of the Middle Ages. V–XIX centuries : lectures]. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta, 1963. 324 p. (In Russ.).
5. Lappo-Danilevskii A. S. *Metodologiya istorii* [History methodology]. Moscow, Territoriya budushchego, 2006. 620 p. (In Russ.).
6. Usmanov M. A. Some problems of source criticism of documentary monuments. *O podlinnosti i dostovernosti istoricheskogo istochnika*. Kazan', 1991, 5–23. (In Russ.).
7. Yubilei A. A. Zhizhilenko. *Pravo i zhizn'*. 1925, 4/5, 43–45. (In Russ.).
8. *Yuridicheskoe obshchestvo pri Imperatorskom Sankt-Petersburgskom universitete za dvadtsat' pyat' let (1877–1902)* [The Law Society at the Imperial St. Petersburg University for twenty-five years (1877–1902)]. Saint Petersburg, Senatskaya tip., 1902. 164 p. (In Russ.).
9. Vocabulaire international de la diplomatie. *Folia Caesaraugustana*. Zaragoza, 1984, 1, 121, art. 57 ; 126. art. 99, 100 ; 126–127, art. 105, 106, 114.

Материал поступил в редакцию 26.05.2017 г.

Сведения об авторе: Бездрабко Валентина Васильевна – доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник Украинского научно-исследовательского института архивного дела и документоведения, профессор кафедры информационного, библиотечного и архивного дела Киевского национального университета культуры и искусств